

Колокол. История одного поединщика.

Владимир Самсонов

2023-08-03

Contents

Колокол. История одного поединщика.	1
--	----------

Колокол. История одного поединщика.

Злата погладила увеличившийся в размерах живот, четвёртый месяц подходил к концу, ещё немного и на свет появится мальчик или девочка. Над именами они с мужем ещё не думали, успеется. Она поправила платье собираясь выйти из избы и направится в хозяйский хлев, где её уже заждались не доенные коровы.

Внезапно дверь в дом отворилась, на пороге показался муж Ефим, у которого в волосах застряла сосновая стружка.

- Чего так рано? – удивилась она, обнимая мужа и одновременно вытаскивая пахнущую смолой стружку.

- С вестями я, - улыбнувшись сказал он, - У барина был, упробил его не посылать тебя на тяжёлые работы пока не разродишься, но в усадьбе всё же надо будет прислуживать. Ждут уже.

- Ну зачем ты? – покраснела она.

- Ничего, ничего, побудешь пока при Константине Сергеевиче. На дойке тебя заменят.

Ефим подошёл к небольшому бочонку, открыл его, зачерпнул ковшом холодный квас, выпил.

- Ну, мне пора, надо наличники на окна гостевого дома дорезать, да ставни украсить.

- Вечером, наши с мужиками с Выселок стенка на стенку забились, - хохотнула Злата. - Пойдёшь?

- Да ну их, - махнул рукой Ефим, - делать мне что ли нечего. А ежели кисть сломаю, кто резать будет? Работа встанет, а за это барин с приказчиками по головке не поглядят. Разве что гляну, кто кого. Ладно, пора мне.

Он взял со стола скибу хлеба, обёрнутого рушником, жарко поцеловал жену, после любезностей отправился работать дальше.

Злата стояла перед барином потупив взор. Старый полковник Константин Сергеевич Ружин сидел в резном кресле работы Ефима, укутавшись в турецкий халат, разминая тревожившую его в последнее время левую руку, в прошлом получившую пулевое ранение в одной из военных компаний.

- Так ты и грамоте обучена? - удивился он. - Почему не знаю о сём?

- Когда барыня, у которой мы были, померла и её дети распродали поместье вы нас скопом взяли не спрашивая, - ответила Злата. - Мне тогда десять лет было.

- Ах, да, - вспомнил барин.

- Мать моя покойница у неё за писаря была и меня выучила грамоте.

- Что ж очень недурно. Возьми со стола письмо от сына моего Антуана. Прочти, как он в Париже учится.

Злата взяла письмо, развернула бумагу, принявшись читать:

- Здравствуйте дорогой мой отец Константин Сергеевич, - начала она.

Дальше следовало перечислений достижений сына в учёбе и прикрасы заграничной жизни. В конце письма он просил отца прислать ему одну тысячу девяносто рублей двадцать копеек на неотложные нужды. На этом письмо заканчивалось.

- В прошлый раз, - задумчиво произнёс барин, - он просил шестьсот рублей сорок шесть копеек. Какие-то непонятные суммы, нет стабильности. Ладно иди помоги на кухне, если понадобится вызову.

Злата быстро удалилась.

Константин Сергеевич вышел во двор, где его уже минут двадцать ожидал, мнувший шапку крестьянин, рядом с которым стоял мальчик лет трёх в безразмерной рубахе и рваных штанах.

- Доброго утречка барин, - поздоровался тот, отбив поклон.

- Здравствуй Фрол. Чего тебе?

- Мне бы барин, стало быть, пятак нужен на ярмарку съездить, живность прикупить, а то мою мор побил. Осенью вдвойне верну.

- Фрол, Фрол, - вздохнул Константин Сергеевич, доставая из кармана кошелек. - Вечно у тебя что-то случается. Держи.

Барин передал ему пять копеек, потом взглянул на мальчика и дал ещё пять.

- Купи парню штаны и ткани в запас для семьи. Понял?

- Понял барин, благодарствую, - поклонился Фрол.

- Иди теперь.

Мужик с мальчиком повернулись чтобы уйти, но барин вдруг окликнул его.

— Вот что Фрол, - произнёс он, схватившись за занывшую руку, - это подарок тебе на Рождество.

- Так оно не скоро ещё? - удивился Фрол.

- Заранее, - ответил барин. - Ступай.

- Спасибо Константин Сергеевич.

Мужик с мальчиком удалились, а барин прошёл в яблоневый сад, где придался размышлениям о странных суммах, запрашиваемых сыном.

Вечером на лугу за селом собралась толпа зрителей желавших посмотреть на бои стенка на стенку. Рядовое деревенское событие обещало быть жарким.

Стенка на стенку не просто драка, а чётко регламентированный бой с жёсткими правилами. Нельзя бить лежачего и использовать «закладки» в рукавицах, а также любое другое оружие. Обязательно соблюдать место в строю, бить только руками, не выходить за «поле», уважать противника. За нарушение можно поплатиться не только здоровьем, но и жизнью. Башлыки - старшие стенок, тщательно следят за их соблюдением.

Никто не воспринимал бои, как кровавое сражение, наоборот это удалой праздник, которого ждут, как бойцы, так и зрители.

Их организуют в любое свободное время, но чаще всего на праздники. Однако любое благое начинание можно изгадить наживой и жадностью.

В каждой стенке было порядка ста человек, они нетерпеливо переминались с ноги на ногу, глубже натягивали рукавицы, разминали плечи, ободряли себя шутками, в общем били копытом перед зубодробительной схваткой.

Вперёд вышли башлыки обоих стенок, пожали друг другу руки.

- Никаких закладок, ножей и прочего! – крикнул первый башлык здоровенный рыжий парень. – Порядок знаете! У кого обнаружим, можете сразу на реку идти топиться!

- Еже ли кто помрёт от удара, то в сём его вина! Знал на что шёл!
– напомнил другой, белокурый крепыш с оттопыренными ушами.

Зрители одобрительно загудели. Подоспевший Ефим уселся на траву, рядом села Злата, начав лузгать семечки.

- А вот кто на затравку?! – крикнул рыжий.

От стенок отделились мальчишки лет семи отроду. Белокурый кивнул, и дети сцепились зло колошматя друг друга. Стенки весело загудели, подначивая дерущихся, молодухи же весело засмеялись, косясь на удалых бойцов.

Расположившиеся на подводах музыканты заиграли озорную мелодию на гармониках, балалайках и гудках. Наконец дерущиеся выдохлись, упав бок о бок на траву. Толпа зрителей зашлась хохотом.

- Архипыч! – заорал белокурый.

От толпы зевак отделился седобородый дед с медалью на рубахе и костылём подмышкой. Бывший солдат встал в начале пышущих нетерпением рядов бойцов.

- Что ж други! – сказал он. – Бейтесь честно и мужественно! Да начнётся!

Он достал из кармана платок, махнул им и стенки сошлись с громогласным рёвом.

В первую минуту на траве оказалось порядка десяти бойцов с обеих сторон. Их быстро оттаскивали в сторону, чтобы не затоптали.

Инициатива приходила то к одной, то к другой стенке и определить победителя не представлялось возможным. Вдруг стенка Выселок дрогнула, спутала ряды и была опрокинута мощным натиском местных. Минута и пришлые задавалы

валялись на поле боя с разбитыми лицами, отплёвываясь кровью с соплями.

Ефим с женой смеялись, наблюдая за образовавшейся кучей-малой с левого фланга, в которой оказались и свои, и чужие.

Драка остановилась, бойцы обнимались друг с другом, поднимали лежавших, помогали остановить кровь тем, у кого она хлестала из разбитых носов и бровей. Поняв, что смотреть больше не на что, зрители стали расходиться.

Пошла неделя. Злата ужинала вместе с мужем, оба делились новостями.

- Мефодий сегодня с лесов упал, - говорил Ефим, - ногу сломал вдрызг. У тебя как дела?

- Ничего такого, - отвечала Злата. - Хотя барину сынок его пишет странное. Каждый раз просит больше денег.

- И что?

- А то. Не ладно это. Чую игрок он. Все деньги отцовские проматывает, да небось врёт, что учится. Жди беды.

- Брось ты.

- Помяни моё слово Ефим, ничего хорошего из этого не выйдет.

- Что гадать, - произнёс он. - Время покажет. Бьюсь об заклад, в сём нет ничего страшного.

Через день, во время прогулки в саду, у старого полковника остановилось сердце. Сын был незамедлительно оповещён, но несмотря на то, что он гнал экипаж днём и ночью, приехал только через две недели после похорон барина. На следующий день после прибытия и посещения могилы отца, молодой помещик Антуан вступил в наследство. Приехавшие с ним друзья горячо поздравили приемника.

Чуть позже Антуан вместе с приятелями отправился в конную прогулку по поместью с целью осмотреть доставшееся ему богатство.

- Не было бы счастья, так несчастье помогло, - говорил он друзьям во время прогулки.

- Надеемся теперь ты рассчитаешься со всеми карточными долгами и восстановишься в академии? - спросил один из друзей. - Иначе путь во Францию заказан.

- Чтобы расплатиться со всеми надо почти всё продать, - отвечал Антуан. - Даже, наверное, всё. Думаю, начать с этого.

Он указал на поле ячменя и лес за ним. Так началась спешная распродажа имущества почившего отца. Постепенно были проданы все поля и леса, потом озёра и заливные луга. Пришла очередь обширного поголовья. Коровы, быки, козы и прочая живность была пущена с молотка. Крепостным стало негде работать и нечего делать, а стало быть, теперь их очередь пополнить карман барского отпрыска.

Для начала барин продал всех одиночек, потом взялся за семьи. Пришла очередь Златы, которую он решил продать какому-то заезжему торгашу-перекупщику.

Антуан с друзьями стоял во дворе наблюдая за тем, как покупатели навсегда разлучали рыдающие семьи, как падали в обморок матери, лишившиеся детей, как стенали беспомощные отцы. Но ни одна детская слезинка не тронула сердце нового помещика, ему было плевать.

- Барин! Прошу тебя! - перед ним на колени упал крупный мужчина, плечи которого вздрагивали от сдерживаемого плача.

К просителю со спины подошёл один из приказчиков по имени Василий с нагайкой, торчащей из хромового сапога.

- Барин, не продавай жену мою, она скоро родит. Мне тогда никогда дитя не увидеть, - умолял Ефим.

- Кто это? - спросил Антуан у приказчика.

- Ефим плотник, хорошо по дереву режет, золотые руки, - сказал он. - За жену свою Злату просит, грамоте обученную, беременна она.

- Грамоту знает? - подивился помещик, - Наверное я продешевил. Да чёрт бы с ней.

- Барин, как же так! - взмолился Ефим. - Отец твой покойный, Константин Сергеевич, таково бы не допустил!

- Его нет, - ответил Антуан, - теперь я здесь царь и бог, а вы мои вещи. Хочу продаю, хочу голодом морю. Жена твоя, как разродится будет нового господина ублажать. Думаю, на это у неё умения хватит.

Антуан противно захихикал, его компания подхватила веселье. Ефим невольно представил подобную сцену и в душе у него что-то ярко и больно вспыхнуло, как вспыхивают сухие опилки, бросаемые в ночной костёр. Перед глазами Ефима всё поплыло,

он почувствовал, как внутри родилось нечто страшное и нестерпимое. Он хмуро взглянул на барина.

- Побойся бога, барин, - обречённо произнёс Ефим.

- Бога? – ухмыльнулся Антуан. – А знаешь ли ты что есть три причины его не бояться? Первая: ему до нас нет дела, он занят чем-то более важным, ибо допускает подобное, - барин обвёл готовых к продаже крепостных рукой. – Вторая: его нет. И третья: он с нами заодно, как, возможно, заодно с убийцами, насильниками и прочими, прочими, раз разрешает им появляться в этом мире.

- Сволочь ты барин, - сказал Ефим, - а ещё сын такого человека, боевого полковника. Сволочь ты поганая.

Услышав подобное Антуан побагровел, а его приятели затихли, приготовившись к чему-то особенному, что не заставило себя ждать.

- Выпороть! – заорал Антуан ткнув в Ефима пальцем и брызгая слюной. – Триста плетей мерзавцу!

Плотник поднялся на ноги и тут же получил нагайкой по спине от стоявшего позади приказчика. Глаза Ефима мгновенно налились кровью. Вторым удар он даже не почувствовал, гнев и ненависть притупили боль, он практически перестал себя контролировать.

Ефим повернулся, подскочил к приказчику, отправив того по другую сторону сознания сильным ударом в челюсть. Стенавшие крестьяне затихли, наблюдая за одиночным бунтом.

Теперь пришла очередь помещика. Ефим двинулся на него, как медведь на охотников. Барин с приятелями попытались бежать, но упёрлись в стену сарая, путь к отступлению был отрезан.

На помощь хозяину поспешили ещё трое приказчиков стоявшие поодаль. Они одновременно набросились на Ефима, но он тут же вырубил первого попавшегося ударом под дых, второго швырнул через себя и тот угодил на одного из приятелей помещика, придавив его своей тушей. Третьего сбил с ног ударом в грудь.

До барина оставался шаг, когда Ефим ощутил сильнейший удар по лопаткам. Это очнулся любитель помахать плёткой, он огрел бунтаря оглоблей, лежавшей на рядом стоявшей телеге. Плотник зарычал, упал в дворовую пыль и затих, потеряв сознание.

Ведро ледяной воды привело Ефима в себя. Он находился в подвале усадьбы, где его приковали цепями к стене. Ефим

попытался подняться, но удар барского сапога в живот свалил его обратно. Перед ним стоял Антуан с друзьями и приказчики, вооружённые французскими пистолями покойного полковника.

- Очнулся скотина, - произнёс хмурый Антуан. - Пороть я тебя не буду. Я тебя повешу, а может утоплю, сожгу или отправлю на каторгу в рудники. Не могу выбрать что лучше. Может ты подскажешь?

- Сволочь ты барин, семьи разлучаешь, - сказал Ефим за что получил тем же сапогом в грудь.

- Пожалуй повешу. Эй, - обратился Антуан к приказчикам, - готовьте виселицу.

Те собрались было бежать выполнять приказ, но их остановил один из приятелей барина.

- Зачем в пустую растрчивать товар Антуан? - сказал он. - Мужик не плохо дерётся. Давай заработаем на этом, а повесить всегда успеешь.

- В смысле? - не понял наследник. - Как заработать?

- На сколько мне известно, в соседней губернии живёт помещик Надолицкий Семён Семёнович, вдовец, большой любитель боёв, которые проходят у него еженедельно, дня по три. Тотализатор, вино, шампанское, деньги в конце концов. Пусть там холопа забьют насмерть, зато ты заработаешь на ставках.

- А что, это мысль, - согласился Антуан, почуяв вкус лёгких денег.
- Когда бои?

- Если мне не изменяет память завтра уже второй день.

- Выезжаем на рассвете, - сказал Антуан направившись к выходу из подвала. - А пока продолжим продажу. Кстати, поделюсь своими наблюдениями. Представляете господа, у крестьян тоже есть какие-то зачаточные чувства, их баба переживают за свой приплод, когда его отбирают.

- Довольно странно, - отозвался кто-то из приятелей. - Хочешь сказать у них есть душа?

- Полно вам господа, - усмехнулся молодой барин, - Откуда.

С этими словами он вышел, приятели и приказчики потянулись за предприимчивым хозяином, оставив Ефима лежать на сыром полу.

- Васька, - позвал Ефим последнего из выходящих приказчиков.

- Не Васька, а Василий Панкратович. Чего тебе? – хмуро ответил тот, остановившись в дверях.

- Ты уж извини за челюсть, не сдержался.

- Да пошёл ты, Ефим.

- Где Злата?

- Перекупщик забрал. К кому попадет теперь неясно.

Приказчик вышел, заперев дверь подвала. Ефим лег на пол лицом вниз и завыл белугой.

В поместье коллежского асессора Надолицкого въехала карета, запряжённая четвёркой лошадей, за ней телега с тремя вооружёнными пистолями приказчиками и закованным в цепи Ефимом.

- Здравствуйте дорогой мой Антуан Константинович, - из дома вышел Надолицкий, обнявший гостя. - Искренне сочувствую вашей утрате, дворянство скорбит.

- Добрый день Семён Семёнович, - Антуан так же обнял его, пустив заранее подготовленную слезу. - Я безутешен. Папа был для меня всем. Даже больше, чем всем.

- Какими судьбами в нашу скромную обитель?

- Привёз бунтарское хамло, пусть потешит кулачным боем.

Надолицкий подошёл к Ефиму, осмотрел его, пощупал бицепс на правой руке.

- Что ж Антуан, - вынес вердикт помещик, - ваш холоп дерется в четвёртом бою.

- Я не буду драться, - пробубнил Ефим, уставившись на цепи сковавшие руки.

- Ещё как будешь, - сказал Надолицкий. - Тащите хама к арене.

Приказчики грубо столкнули Ефима с телеги, потащив под руки в большое, деревянное, круглое здание, находившееся за хозяйским домом. Его ввели в небольшую дверь рядом с главным входом, где стояли жалкие подобия греческих статуй Зевса и Артемиды. Над входом красовалась табличка с надписью на латыни, гласившая, что сие место есть ни что иное как «Colosseus».

Хозяин игрищ в окружении гостей проследовали мимо статуй, оживлённо обсуждая тот факт, что сегодня здесь присутствует практически весь свет губернии.

Ефима втокнули в широкий проход ведущий к месту выхода бойцов на арену. В нём мялись с дюжину грустных, закованных в цепи крестьян разных возрастов, ожидавших выхода на бои. Их контролировали вооружённые огнестрельным и холодным оружием верные холоуи барина. Приказчики передали ключ от оков одному из холоуёв и удалились.

- Как звать, чем занимаешься? – спросил здоровенный холоуй Ефима, толкнув в грудь дулом пистолета.

- Ефим, плотник, – ответил он, оглядывая товарищей по несчастью. – Я драться не буду.

- Советую не просто драться, а победить, – продолжал холоуй. – Иначе тебя заперют до смерти или вздёрнут.

- Хочешь, чтоб я веселил тех, кто мою беременную жену невесть куда продал? Хрен вам.

Здоровенный холоуй наклонился к нему произнеся:

- Пока ты живой, у тебя есть хоть какой-то шанс увидеть её. Неисповедимы пути Господни, поэтому побеждай. Это всех касается! – крикнул он понурым мужикам. – Хотите увидеть близких, сражайтесь! Как говорится, сила дарует свободу!

- Скоты вы! – неожиданно для себя выпалил Ефим.

- Отлично! – похлопал его дулом по плечу холоуй. – Злость лучше отчаяния! Берите пример!

Холоуй отошёл в сторону, ожидая выпуска на арену первой пары.

С арены послышался голос конферансье:

- Господа! Прошу внимания! Мы начинаем бои, делайте ставки! И так первый бой! Прошу!

Послышались бурные аплодисменты, смех и хлопки бутылок шампанского. Холоуи расковали первую попавшуюся пару вытолкнув крестьян на арену через стилизованные под древность ворота, закрыв те за ними.

- Деритесь! – снова донёсся голос конферансье. – Ну же! Ну раз не хотите, Минотавр, поможет с решением!

До ушей Ефима долетел восторженный вздох присутствующих, потом крик одного из новоиспечённых гладиаторов. Чуть позже

послышались звуки ожесточённой драки, возгласы собравшихся и живая весёлая музыка присутствующего мини-оркестра.

Наконец бой закончился, обратно внесли избитого до полубоморочного состояния мужика, истекавшего кровью. За ним, еле держась на ногах вошёл победитель с содранным до костей мясом с кулаков. Он сел, привалившись спиной к стене, закрыв лицо руками. Подскачившие холоуи тут же заковали его в цепи и выволокли наружу. Второй и третий бой прошли примерно в таком же ракурсе. Сначала никто не хотел драться, а после вызова какого-то Минотавра, драка превращалась в кровавое месиво. После победителя заковывали и быстро вытаскивали из прохода во двор.

Пришла очередь Ефима со стоявшим рядом с ним испуганным мужиком. Их расковали, вытолкнули на арену. Она напоминала большую купель, метров двенадцати в диаметре, с песчаным полом в стенах которой были ворота для выхода бойцов и дверь, откуда, по-видимому, выходил конференсье, и некто по имени Минотавр. Праздная публика, жующая балыки, бутерброды с икрой и лакающая вина вперемешку с шампанским, располагалась на высоте двух метров над ареной. Там были столики на компанию и места для стояния, также доска, с суммами ставок. Рядом с ней находился крупье в кожаной жилетке, белой рубашке, чёрных брюках и моноклем в глазу. Позади него оркестр, правее хозяин мероприятия, сидевший за столиком с початой бутылкой шампанского.

Открылась дверь, выскочил улыбчивый глашатай в костюме тройке.

- Господа! – громко произнёс он. – Четвёртый бой, господа! Деритесь! – приказал он Ефиму с противником.

Те сочувственно посмотрели друг на друга.

- Я не буду драться, – сказал Ефим.

- Не позорь меня Ефимушка! – засмеялся уже захмелевший Антуан, расположившийся за столиком вместе с компанией приятелей. – Врежь ему, а то запрячу!

Публика зашлась задорным смехом.

- Нет, - Ефим направился к воротам.

- В таком случае попросим Минотавра! – воздел руки к небесам конференсье.

- Просим! Просим! Просим! – подхватила публика, вскакивая с мест.

Дверь на арену распахнулась и из тёмного помещения вышел здоровенный мужик под два с лишним метра ростом. Он был одет в короткую тогу, подпоясанную ремнём с медными бляхами, на ногах сандалии. Но самое интересное было не в подражании римлянину, а в том, что на его абсолютно лысой голове красовались изогнутые бычьи рога, причём было не понятно, как они к ней крепились. Однако присмотревшись Ефим понял, что те были вживлены в череп каким-то дьявольски искусным хирургом. Лицо бугая ничего не выражало, он будто заступил на набившую оскомину смену на чугунолитейном заводе. Крестьянин, стоявший рядом с Ефимом, тяжело сглотнул и перекрестился, он был на грани обморока.

- Твою ж ты мать, - вырвалось у Ефима, открывшего рот от удивления. - СОтОна.

Минотавр подошёл к впавшему в ступор крестьянину и резким ударом руки в грудь отправил того лететь в стену арены, находившейся метрах в трёх от него. Мужик с грохотом впечатался в стену, съехав по ней в песок. Минотавр двинулся к Ефиму под громкие овации зрителей.

- Если не будете драться друг с другом, - сказал конференсье, - будете драться с ним! А это, поверьте, смертельно опасно!

Тем временем Минотавр подошёл к Ефиму ударив того наотмашь бочкообразным кулаком. Ефим не стал дожидаться прилёта, сделав на шаг назад, удар пришёлся в пустоту, что расстроило громилу.

- Аууфффф! - возмутился он, побагровев от такой наглости.

Второй удар был ногой в живот, этого Ефим не ожидал. Удар был такой силы, что плотника отбросило к недавно припечатанному к стене мужику. Ефим скорчился от боли, ощупал живот, кишки вроде были на месте.

- Давай драться, - дрожащим голосом произнёс сидящий рядом мужик. - Он убьёт нас. Убьёт.

- Я не буду с тобой драться на потеху, - ответил Ефим, поднимаясь на ноги.

Мужик тоже поднялся и вдруг ударил Ефима в лицо кулаком, разбив тому бровь. Минотавр заржал тонким голоском кастрата. Публика ликовала.

Отчаяние, смешанное с гневом и злобой на несправедливый мир всколыхнула душу Ефима, он ударил мужика в ответ, попав тому под дых, мужик скорчился, упав к его ногам. Минотавр заржал, ещё сильнее, запрокинул голову и широко открыв рот с гнилыми

зубами. В этот момент Ефим разбежался подпрыгнув так, чтобы оказаться чуть выше роста Минотавра. Он вложил всю силу удара в место, где челюсть крепилась к черепу. Раздался оглушительный хруст ломающейся кости, Минотавра качнуло, повело к открытой двери. Ефим догнал его и ещё раз саданул в челюсть, добавив другой рукой в нос. Вновь хрустнуло.

Рогатый упал на дверь, разлетевшуюся на куски под его весом, и затих. На арене наступила тишина, такого развития событий никто не ожидал. Ефим стоял над телом собираясь нанести еще пару ударов. Конферансье быстро подбежал к рогатой туше, пощупал на шее пульс, испугано посмотрел на хозяина.

- Пульса почти нет, - дрожащим голосом оповестил он.

Надолицкий поднялся с места, непонимающе уставился на рогатого под которым начал алеть песок.

Появились вооружённые холуи, отогнали Ефима, перевернули застонавшего Минотавра, из спины которого торчал острый обломок двери, впившийся ему глубоко в тело. Публика восхищённо ахнула.

- Ты что натворил?! - опомнился Надолицкий. - Ты знаешь сколько этот дебилый монстр стоит?! Антуан, нам надо поговорить!

Надолицкий поспешил к выходу, Антуан пошел за ним. Тем временем бои остановились, а холуи пытались вытащить неподъёмное тело с арены. Хозяин поместья и Антуан удалились в сад, где коллежский асессор выразил гостью своё фи.

- Что же это, милостивый государь, ваш холоп портит моё имущество? - возмутился барин. - Этот громила вышел мне в шестьсот рублей.

- Позвольте, - скривился Антуан, - это был честный бой.

- Теперь вы мой должник, Антуан.

- Но позвольте!

Внезапно рядом с ними появился граф Бертольд Симонович Борре, так же присутствующий среди зрителей. Он слыл ярым любителем кулачных боёв и всего, что с ними связано, держал школу бойцов, подражая графу Орлову-Чесменскому. Поговаривали, что Борре был тайным агентом всемогущей секретной службы, а может даже масоном. Так это или нет, не известно, но все в округе прекрасно знали, что тягаться с ним крайне опасно, в доказательство приводили внезапное исчезновение заезжего, наглого и обладавшего серьёзными

связями барона Нойманна. Он неосмотрительно повздорил с Борре и через пару дней пропал без вести вместе с экипажем.

- Господа не ссорьтесь, - улыбаясь сказал Борре. - Я хочу купить Ефима и оплатить лечение рогатого демона. Готов заплатить вам обоим аж триста рублей.

- Однако рогатый стоил мне восемьсот, - возмутился Надолицкий.

- Вы только что утверждали, что шестьсот, - Антуан обалдел от такой откровенной наглости.

- Со всем уважением, - напрягся Надолицкий, - Это не цена граф.

- Ефим стоит не менее тысячи, - решительно сказал Антуан. - И не уговаривайте на меньшее.

- Дорогие друзья, триста на двоих и ни копейкой больше, - продолжал Борре. - И я вам скажу почему. Потому, что до меня дошли точные слухи о вас, господа. Например, о ваших французских долгах Антуан и о несчастном случае у Сены, произошедшем с одним из тех, кому вы были должны крупную карточную сумму. Французской, да и нашей полиции будет интересно узнать, как вполне трезвый и крепкий мужчина упал через парапет разбив при этом голову и сразу пошёл ко дну.

Антуан вздрогнул. Откуда Борре мог про это знать? Выходит, он действительно связан с секретной службой.

- Я дарю вам его, - поспешил откреститься от Ефима Антуан.

- А вы любезный мой Семён Семёнович потрудитесь объяснить от чего всё же умерла ваша жена, которой от её отца достались обширные угодья на западе губернии, которые вы продали за баснословную сумму, часть которой потратили на молодую беременную любовницу к которой давненько бегали от жены. Разговор о внезапной остановке сердца не выдерживает никакой критики, ведь её лечащий врач иного мнения.

Надолицкий надул щёки собираясь что-то сказать, но не смог.

- И вообще, - не унимался Борре. - На сколько законен Колизей? Сколько крепостных погибло в его стенах, где они похоронены?

- Мне ничего не надо, - наконец выдавил Надолицкий. - Без претензий.

- Вот и замечательно, господа. Заверните Ефима, он едет со мной.

- Завернуть? - не понял Антуан.

- Я имел в виду закуйте в цепи и посадите в мой экипаж. Счастливо оставаться и помалкивайте, господа.

С этими словами Борре откланялся, направившись к ждавшим его слугам.

Когда экипаж тронулся Борре заговорил с сидящим напротив него угрюмым Ефимом, разглядывающим замок оков на предмет его крепости.

- Не сломаешь, - будто подслушал его мысли граф. - Эксклюзивный заказ. Разве, что из пушки бить.

- Ладная вещь, - кивнул Ефим.

- У тебя Ефим появился малюсенький шанс начать другую жизнь, - начал агитацию граф. - Стать поединщиком, боевым холопом. Это дорогого стоит. У меня школа кулачных бойцов, лучшая в губернии. Мужики живут, как у Христа за пазухой. Хорошая еда, пышные женщины, вино по выходным, мясо вдоволь. Но это только для тех, кто приносит хорошие деньги, кто побеждает в боях. Конечно, иногда они гибнут, но это скорее исключение из правил.

- Иногда гибнут, - опять кивнул Ефим. - Я не буду драться.

- Так все говорят поначалу, - улыбнулся граф. - Запомни, кто не умирает для меня, умирает от меня. Скорее всего на дыбе.

- Плевать, терять нечего, - Ефим посмотрел на него исподлобья.

- Думаешь цепи помешают расколоть тебе башку?

- Попробуй, - согласился граф.

Ефим резко прыгнул на Борре, тот же молниеносно извлёк из-под одежды небольшой пистолет и выстрелил в грудь дерзкому крестьянину. Грохот и дым наполнили экипаж. Он остановился, слуги открыли дверь наведя стволы пистолетов на лежащего на полу Ефима. Граф пнул плотника ногой.

- Вставай Ефим, - сказал он.

Ефим пошевелился, с трудом поднялся, свалившись на диван.

- Кожаный пыж, - пояснил граф. - Не убивает, но останавливает. Вот что голубчики, - обратился он к слугам. - Высеките его. Пятьдесят плетей для начала, думаю хватит.

Кашляющего от боли в груди Ефима втащили из экипажа, сорвали рубаху, бросили на землю и качественно исполосовали спину плетью. Ефим всячески старался терпеть боль, чтоб не радовать криками нового хозяина его жизни.

- В тебе есть потенциал, Ефим, - говорил стоящий над ним граф.
- Ты будешь драться, драться, как тысяча собак. Как закончите, прикрепите его лёжа на крыше и поехали.

К вечеру экипаж с Ефимом прибыл в имение графа Борре. Ефима развязали, сняли с крыши, поставили на ноги. Перед ним выстроили ряд разновозрастных девиц.

- Любая из этих, не побоюсь этого слова, красавиц, может стать твоей, - сказал Борре.

- Я не буду драться, - ответил Ефим.

- Из таких бунтарей иногда получаются хорошие бойцы, если выживают в споре с хозяином, - улыбнулся граф. - В ящик его, пока не образумится.

Подбежали два кузнеца, один из которых нёс небольшой деревянный ящик, обитый железными полосами. Они быстро надели его на голову Ефиму, заперев на хитрый замок. В нижней части ящика была полка для кормления, на которую кузнец положил кусок хлеба. Ефима оттащили, приковав к столбу посередине двора и оставили чахнуть на летней жаре.

- Посиди подумай, - сказал граф, - послезавтра продолжим.

Ночь выдалась тёплой. Ефим сидел у столба вспоминая жену. Вдруг он услышал тяжёлые шаги, посмотрел через щели ящика, к нему подошёл огромный одноглазый старец, прихрамывающий на правую ногу.

- Меня зовут Степан, - произнёс он, - Погоняло Двенадцать покойников. Я твой учитель по кулачному бою. Советую исполнять все мои указания и драться изо всех сил, иначе долго не проживёшь. Про жену и будущего ребёнка забудь навсегда, выбери бабу погрудастей и забудь.

- И про жену знаете? - спросил Ефим.

- Конечно, - ответил тот.

- Почему двенадцать покойников?

- Был я конюхом при отце барина и как-то, когда ехали через лес, на нас с ним напали разбойники. Трёх я застрелил из мушкета, шестерых зарубил топором, а оставшихся убил голыми руками. Вот по сему и погоняло. Тут у каждого оно по делам, тебе тоже дадут в зависимости от поединков.

Ефим тяжело вздохнул.

- Вижу я, - сказал он, - что праздничные игры да потеху, баре превратили в богопротивную наживу, где мужики гибнут и

калечатся по чём зря.

- Так и есть Ефимушка, - ответил Степан, - так и есть. Они всё превращают в наживу, но особенно то, где горе да беда присутствует в больших количествах. Так что бои, это еще мелочь. Рад бы я чтоб было по-другому, но.... Готовься, послезавтра барин будет на стойкость проверять. Выстоишь, будет тебе счастье, сало, вино и баба.

- Я женат, - произнёс Ефим.

- Забудь, сказали же.

Степан удалился, оставив Ефима в тяжких раздумьях. Так он просидел у столба с ящиком на голове до назначенного дня.

Ранним утром Ефима вывели на площадку огороженную хлипких забором. Она больше напоминала загон для скота, чем место для тренировочных поединков. С Ефима сняли ящик, он сощурил глаза от яркого утреннего Солнца, оглядел зрителей. Практически все обитатели поместья присутствовали на сегодняшних боях, среди них, на высоком, оббитом красным бархатом кресле, закинув ногу на ногу, восседал Борре, поглаживающий рукой бежевого дога.

Перед Ефимом во главе со Степаном стояли семь рослых парней, у некоторых лица были в заживших шрамах. Прозвища были у всех подобающие боевым заслугам: Обух, Жеребец, Таран, Ломака, Кистень, Баюн и Навзничь.

- Наши лучшие бойцы, - пояснил Степан. - Прояви себя Ефим.

Он щёлкнул пальцами, из строя вышел сухощавый крепыш, принявший боксёрскую стойку.

- Я не боец, - произнёс Ефим, - я плотник, резчик по дереву.

- Уже нет, - сказал граф. - Познакомься с Обухом. Начинайте.

Крепыш двинулся на Ефима, подошёл вплотную ударил слева по рёбрам. Ефим слегка согнулся, но стерпел боль, хотя его глаза налились кровью, как в тот раз, когда он лупил приказчиков. Ефим выпрямился, посмотрел на барина. Крепыш остановился и тоже глянул на Борре.

- Не будешь драться, - спокойно сказал барин, - Обух убьёт тебя. Понял Обух?

Парень кивнул и тут же резко ударил Ефиму в голову. Повинуясь инстинкту, Ефим ушёл с линии атаки, удар провалился. Обух не успел нанести второй, так как его челюсть снизу встретил каменный крюк Ефима. Обух дёрнул головой, свалившись в

пыль двора под удивлённые возгласы собравшейся челяди. Граф даже привстал с кресла, чтобы лучше видеть, как его боец валяется без чувств.

- А говоришь плотник, - засмеялся барин. - У Обуха десять победных боёв с серьёзными мужиками, а ты его вырубил враз.

Барин зааплодировал, за ним повторила челядь.

- Степан, - крикнул Борре, - давай Жеребца.

Степан согласно кивнул, выставив против Ефима чернявого цыгана с руками покрытыми толстыми канатами мышц.

- Ну, ладно, - произнёс Ефим, сплёвывая в ладони. - Получите на леденцы сволочи.

Жеребец пошёл на Ефима, готовы отразить любой его выпад. Однако Ефим сделал вид, что очень испугался цыганёнка и когда тот понял это и расслабился, нанёс ему сокрушительный удар между рук в нос. Жеребец рухнул, как подкошенный, забрызгав свою рубаху кровью.

- Замечательно, - засмеялся барин, - давайте Тарана.

Из строя выскочил резкий, широкоплечий парень лет двадцати пяти. Он тут же вступил в бой, колошматя Ефима почем зря. От его ударов невозможно было укрыться, и Ефим уже начал терять равновесие, готовый рухнуть в пыль, как вдруг его осенила идея. Он бросился вперёд, обхватив Тарана за пояс, поднял над землёй и швырнул через себя головой вниз. Таран воткнулся в землю и затих, потеряв сознание.

Барин поднялся с кресла зааплодировав, ему снова вторила челядь.

- Превосходно, - сказал он, посмотрев на Ефима горящими от возбуждения глазами. - Ты просто клад Ефим. Надеюсь, протянешь дольше остальных. На сегодня всё. Степан готовь его к состязаниям, но и про работы не забывайте.

С этого момента Ефим, как и все остальные бойцы, стал работать в поле на барина с пяти утра до полудня, а после полудня его ждали изматывающие тренировки под чутким руководством Степана по прозвищу Двенадцать покойников. Так началось его вхождение в мир поединков и смертельных схваток.

Первый бой, на который его выставил Борре, был в ближайшем уездном городе на базаре. Поединок был удар на удар в корпус с бойцом из Астрахани, неким Демьяном, по прозвищу Копыто. Прозвище досталось ему из-за сокрушительного удара открытой ладонью в лоб противника.

Ставки были сделаны, брошена монета, по итогам Копыто бил первым. Однако удар в грудь Ефима не привёл к желаемому результату, тот только покачнулся. Теперь пришла очередь Ефима, он саданул Демьяна сбоку по рёбрам, но тот устоял.

Теперь Копыто нанёс удар Ефиму в область сердца. Плотник еле сдержался от падения, в глазах потемнело. Опять бил Ефим. В этот раз он ударил кулаком точно в центр груди оппонента. Демьян пошатнулся, рухнув на площадь. Довольный барин заработал свою сотню, дав Ефиму рубль на кабаке, где тот вдоволь наелся пирогов с мясом, да напился свекольного квасу.

Днём позже был кулачный бой с крупнотелым купцом по кличке Большой, победителем нескольких серьёзных схваток, которого Ефим вырубил на второй минуте ударом в пузо, от чего тот прилёг на бок, проблевавшись завтраком.

Потом был бой наёмником в стенке вместе со всеми бойцами графа против артельных грузчиков. Работный люд разделали под орех, выиграв порядка трёхсот рублей. Барин ликовал. Он хотел подарить Ефиму двадцатилетнюю Олесю, но тот отказался, вновь сославшись на верность жене. Двенадцать покойников даже похвалил его за это, что было редкостью.

Так день за днём, неделя за неделей совершенствовался Ефим в искусстве боёв. Постепенно за ним закрепилась слава неплохого бойца, однако погоняло он еще не заработал.

Очередная стенка, в которой бойцы Борре были приглашёнными наёмниками, намечалась с чухонцами на краю их посёлка. Дабы посмотреть на жестокую схватку стеклось много народу с ближайших деревень и сёл. Зная наглость чухны, драка ожидалась нешуточная.

Граф сидел на коне в окружении вооружённых слуг, волнительно перебирая поводья.

- Жаль Двенадцать покойников слёг со спиной, - вздохнул барин, - он ценит такие заварухи.

- А почему башлыки рукавицы не проверяют? - спросил один из слуг, поглаживавший большим пальцем узор на пистолете. - С чухной нужно ухо в остро держать. Или у них всё по чесноку будет?

- Подозреваешь, что они что-то задумали? - поинтересовался граф.

- Не знаю барин. Хотя деньги немалые на кону, да и слава лучшей стенки уезда решается.

- Вот что, - сказал барин. - Рассредоточьтесь среди толпы, мало ли.

Когда затравщиков оттащили друг от друга, настало время сходитьсь.

Обе стенки в коих с каждой стороны было порядка ста пятидесяти человек сошлись с оглушающим гулом. Затрещали рёбра, брызнула кровь из разбитых носов, кто-то упал, кого-то уронили. Стенки долго толкались на одном месте, но все попытки выбить противника с его «поля» оканчивались неудачами. Минут через десять чухна потеряла порядка двадцати бойцов лежащими без чувств или покалеченными настолько, что те не могли продолжать бой.

Стенка, в которой бились наёмники Борре, понесла меньшие потери и начала выдавливать чухонцев за границу их «поля». Противник стал роптать и злиться одновременно. В ход пошли запрещённые удары локтями, подножки и толчки, но и это не могло их спасти от уже обозначившегося проигрыша. Ещё чуть-чуть и всё будет кончено.

Ефим прямым ударом в бровь вырубил широкоплечего чухонца, потом отправил в нокаут его соседа с длинной рыжей бородой. Вдруг он заметил, как в руке одного из противников что-то блеснуло, и тут же дравшийся рядом с ним Жеребец упал, схватившись за живот, а мгновением позже рядом с ним упал ещё один парень, чья рубаха окрасилась в цвет крови.

Ефим ударил в солнечное сплетение ближайшего противника, развернул его спиной к себе, обхватил шею левой рукой, громко свистнул и закричал:

- Чухна режет! Берегись!

Сразу почти треть чухонцев достала ножи, кто из сапога, кто из-за пояса и бросилась резать стенку гостей. Ефим увидел, как стоявшего рядом с ним Баюна пытается пырнуть бородатый чухонец. Он толкнул удерживаемого удушающим захватом мужика на него и подскочив ближе выбил ему все передние зубы точным ударом кулака. Чухонец выронил нож, упал, отхаркиваясь обломками зубов. Баюн поднял нож и всадил его в грудь бородача. И как будто по команде началось форменное безобразие с нарушением всех священных правил кулачных боёв, в простонародье мясорубка.

Обозлённые бойцы хватали всё, что попадалось под руку, зрители в ужасе разбегались, а некоторые присоединялись к стенке, где бились бойцы Борре и вступали в резню с чухонцами, к которым также стали подтягиваться свежие силы.

Внезапно раздался выстрел из пистоля, это слуги графа вступили в заваруху. Ефим оглянулся, где-то в задних рядах с прострелянной головой, упал чухонец с арбалетом. Началась пальба, в воздухе запахло порохом, смешанным с кровью и потоп. То там, то сям падали вооружённые холодным оружием чухонцы с чьей стороны тоже слышались выстрелы. Однако стреляли они не долго, граф, взявший в руки мушкет укладывал паливших одного за другим, благо слуга быстро подавал ему вновь заряженные ружья.

Понесся серьёзные потери чухна, стала отступать, стенка Ефима двинулась вперёд, молотя противника колами, режа ножами и заточками. Бой переместился в деревню, в которой на околице уже горело несколько домов. Женщины, дети и старики разбегались кто куда громко плача.

Рядом с Ефимом, вырубавшим попавшихся на пути чухонцев жакотой в кулаке отнятой у кого-то подковой, остановился Борре подняв коня на дыбы.

- Вот же сволочи! – крикнул он. – Не видать теперь денег! Ефим собирай наших, уходим пока полиция с казаками не подошла!

- Хорошо барин! – Ефим побежал исполнять указание.

Через пятнадцать минут граф со слугами и восседавшими в телеге бойцами мчался прочь от пылавшей деревни, в которой шла чудовищна резня. Никому не позволено нарушать правила честного поединка.

Среди бойцов Борре были потери, был убит Жеребец, Баюн и Ломака, лежавшие теперь на дне телеги. Навзничь был серьёзно ранен, Кистень, Обух и Таран отделались синяками, как и Ефим. Одному из слуг распороли руку.

- Чёрт знает что такое! – ругался Борре. – Из-за этих идиотов я профукал крупную ставку!

- У нас парни погибли, - сказал Ефим, глядя на озабоченное убитками лицо барина.

- Что? – не понял тот. – Парни? Ах да, парни погибли. Похороним, как положено. И всё же это полный *la folie* (сумасшедший дом. Фр.). Придётся вам мужики отбивать всю сумму.

Он пришпорил коня помчавшись вперёд, обуреваемый мрачными мыслями о сегодняшних потерях.

На следующий день к нему явились представители полиции дабы выяснить обстоятельства вчерашнего погрома, где погибло порядка тридцати пяти человек и ещё примерно

сорок было тяжело ранено. Борре предъявил служителям закона какую-то бумагу с несколькими гербовыми печатями, те тут же поспешили откланяться с извинениями. На этом инцидент был исчерпан, теперь осталось похоронить павших на местном кладбище.

В день похорон все работы в поместье были остановлены, барин объявил общую скорбь по погибшим. Когда гробы опустили в могилы, стоявший рядом учитель кулачных боёв Двенадцать покойников еле сдержался от слёз.

Прошла неделя, разговоры о погроме пошли на спад и барина вновь потянуло к тотализатору, нужно было покрыть расходы. На этот раз оставшиеся бойцы дрались один на один в хорошо оплачиваемых боях с могучими представителями различных слобод, от суконных и кузнечных до марийских и татарских.

Поначалу дела складывались неплохо, деньги прибывали с завидным постоянством. Ефим приносил стабильную прибыль, Борре даже стал подумывать о выдвижении его на более высокий уровень, на бои с личными боевыми холопами богатых дворян, где ставки были заоблачными, но....

Но однажды Ефим нарвался на супермощного бойца из заводских токарей. Бой назначили на еженедельной ярмарке.

- Весьма серьёзный противник, кожевник. Кличут - Данило-молотило, - говорил Ефиму Двенадцать покойников, разминая тому предплечье. - Деньги немалые на кону, уважь барина.

Ефим внимательно оглядел противника, о чем-то разговаривающего со своим приятелем. Не сказать, чтобы он был косая сажень в плечах, однако руки представляли собой набор стальных жгутов, увенчанных непропорционально развитыми кулаками.

- Ни пуха, ни пера, - пожелал Ефиму учитель, когда прозвучала команда выйти в круг.

- К чертям собачачим, - ответил тот, сжав и разжав кулаки.

Бойцы встали против друг друга в круг, образованный толпой зевак, зрители приветствовали их громкими криками, кто-то яростно желал победы беспокоясь за сделанную ставку.

Борре достал пистолет выстрелив в воздух, это была команда к началу боя. Противники сошлись, встретив друг друга мощными ударами в грудь.

Ефим перевёл удар в голову, Данило качнулся, мотнув головой, но устоял, тут же залепив Ефиму в ухо, от чего у того пошла

кровь. Ефим усилил атаку лупя противника по всему корпусу и голове ударами способными свалить с ног двух годовалого бычка. Данило так же завёлся, включившись в беспощадную рубку, но Ефим ловко закрывался от его ударов, подставляя предплечья и уходя с линии атаки.

Вдруг у Ефима перехватило дыхание, стало невозможно дышать, это Данило достал до его печени мощным крюком, а затем добавил сбоку в висок, от чего у Ефима помутнело сознание. Удары бывшего плотника стали вялые и кособокие, Данило брал верх.

Ефим ещё держался на ногах, когда противник вложил всю силу в серию молниеносных ударов, от которых, казалось, сломались все рёбра. Последний удар пришёлся в скулу, он был такой силы, что Ефима бросило в толпу, где он снёс несколько человек.

Ефима привезли в имение в плачевном состоянии, практически мертвого и всё еще не пришедшего в сознание. Вернуть его в чувство удалось только через сутки. Двенадцать покойников тщательно осмотрел Ефима, доложив о состоянии бойца барину.

- Парня надо лечить, - сказал Двенадцать покойников, - а то помрёт, живого места нет, все внутренности размолочены.

- Он подвёл меня, - сказал барин, - Я не собираюсь тратить деньги на докторов, - лечите, как хотите. Если не поправится продам за гроши, он своё отработал, а сдохнет, так сдохнет, мне не нужны холопы не приносящие пользы.

- Эх, барин, барин, - вздохнул учитель кулачных боёв удалившись.

Крестьяне привели к практически умирающему Ефиму знахарку, но все её потуги оказались бессмысленны, лучше ему не становилось.

К концу недели в имение Борре приехал некий помещик Гозман Геннадий Потапович. Он был наслышан о бойцах графа, а также про Ефима. Гозман специально присутствовал на его последней схватке. Несмотря на состояние Ефима он явился купить его. Поторговавшись для виду, Борре продал Ефима за двадцать пять рублей вместе с телегой, на которой того повезли к новому хозяину.

Однако вместо поместья, Ефима привезли к одному из домов на окраине небольшого уездного городка. Двое слуг втащили покалеченного бойца в светлую комнату, положив на кровать. Новый барин дал им распоряжения и те незамедлительно удалились их исполнять.

Гозман сел на кровать у обессиленного Ефима, похлопал по синей от гематом груди.

- Зачем я тебе барин? – слабым голосом произнёс Ефим. – День ото дня помру. Зачем купил?

- Ты мне это брось Ефим, - сказал Гозман. – Помирать он, видите ли, собрался. Ты пал духом Ефим, впал в уныние, а это грех. Бог любит отважных.

- А разве он с вами не заодно? – вновь спросил Ефим.

Гозман весело засмеялся.

- Шикарно, - улыбнулся он. – Просто шикарно. Я видел, как ты дрался. Отличный бой. Если так дерёшься совершенно без стимула, то как будешь драться с ним?

- Встать не могу барин. Какая тут драка? Знахарка ничего сделать не смогла.

- Мой покойный родитель, - продолжил Гозман, - был хорошим полковым доктором. Я кое-чему научился у него, но, к сожалению, не пошёл по его стопам, а выбрал торговлю, ну и разорился в итоге. Теперь у меня ни имения, ни возможности заработка, живу на остатках отцовского состояния. Так вот о чем я. Поставить тебя на ноги не составит труда, если совместить современную медицину и народные средства. Поверь, проверено неоднократно. Ты поможешь мне заработать денег на серьёзных боях, а я разыщу кому продали твою беременную жену и на часть этих денег выкуплю её для тебя. Вы оба будете принадлежать мне и жить семьёй.

У Ефима перехватило дыхание от неожиданного предложения, он даже нашёл в себе силы приподняться на локте.

- Откуда знает барин? – спросил он.

- Граф Борре подробно рассказал про тебя под коньячок с лимончиком.

- Как её найдете?

- Есть нужные связи, плюс ко всему ассигнации делают удивительные вещи, развязывают языки, открывают многие двери, достают то, что нельзя достать. Но для этого они нужны в весомых количествах Ефим.

- В базарных боях да стенках столько не заработать.

- Никто и не говорит про этот вид мордобоя. Есть более высокий уровень, тот уровень до которого пытался тебя довести Борре. Существует целый высокопоставленный пласт любителей

кулачных боёв, вот туда мы с тобой и проникнем. Слышал о графе Орлове-Чесменском?

- Нет.

- Ему кстати подражает твой бывший барин. У Орлова самая лучшая школа бойцов в империи и соответственно ставки не базарные. Доберёмся до них, выкупишь не только Злату, но, возможно, и пару наложниц приобретёшь, ну, или корову с лошадьми. Что скажешь на моё предложение Ефим?

- По рукам барин, - согласился Ефим. - Только ради Златы с будущим ребёнком.

- Отлично, - хлопнул в ладоши барин, - Осталось подлечиться и заработать звучное прозвище. Без него не по чину кости ломать. Это визитная карточка бойца.

- Мне бы хотелось точно знать, что вы её нашли, - добавил Ефим.

- Да ты не такой дурак, как погляжу. Требуешь доказательств? Они будут, - Гозман ещё раз хлопнул его по груди и вышел из комнаты.

На следующий день Ефима посетили видные врачи города, прописали лекарство с мазями, определили процедуры лечения.

Позже их сменил потомок древнего рода волхвов. Косматый, увешанный оберегами старец, осмотрел больного и приказал закопать его в землю на день, оставив голову снаружи. Потом два дня вымачивал Ефима в бочке с вонючим травяным раствором, а после читал над ним заговоры, заставляя пить горькую, пахнущую тухлыми грибами, бурду. В итоге, через несколько дней, Ефим пришёл в себя, но драться пока не мог.

Пока шло активное лечение, Гозман разузнал кому продали Злату, направился в гости к её новому хозяину.

Он прибыл в имение к овдовевшей помещицы Поповой аккуратно к обеду и был приглашён в гостиную за ломившийся от яств стол.

- Значит вас интересует Злата? - дородная помещица одарила Гозмана заинтересованным взглядом.

- Мне нужна служанка умеющая читать и писать, - кивнул он, отпив вино из бокала.

- Мне она тоже нужна, драгоценный Геннадий Потапович. Но по мимо грамоты, Злата отлично вышивает.

- Какова же будет цена?

- Она не продаётся, дрогой мой.

- Всё продается, - хитро посмотрел ей в глаза Гозман. - Даже невинность.

Барыня слащаво улыбнулась.

- Ну хорошо. Только для вас в виде исключения. Пятьсот пятьдесят пять рублей, пятьдесят пять копеек, - произнесла Попова.

Гозман изменился в лице, он рассчитывал максимум на триста, всё что при нём было сейчас. Однако ему в голову тут же пришла более перспективная идея, для её осуществления Злату вовсе не надо было выкупать.

- Ну, помилуйте голубушка, - улыбаясь произнёс он. - Такая колдовская сумма за дворовую девку?

- Она беременна, - добавила барыня, - а значит два в одном.

- Опт, - развёл руками гость. - Сбросьте цену.

- Добавочная стоимость, - Попова взяла со стола испанский веер, начав гонять воздух.

- Душенька моя, это не серьёзно.

- Будут деньги заходите, многоуважаемый Геннадий Потапович, а сейчас меня ждут дела. Эй! Кто там! - крикнула она прислуге, - Проводите гостя!

- Оставьте её для меня, никому не продавайте, - сказал, поднимаясь со стула, Гозман, - я найду деньги.

- Что ж, посмотрим, - барыня откусила кусочек пирожного, наблюдая, как раздосадованный помещик идёт к выходу из гостиной.

Вдруг он остановился и спросил:

- Могу я с ней переговорить?

- Как вам будет угодно.

Слуги проводили Гозмана в швейную избу, где Злата с десятком таких же беременных девиц, изготавливала кружевное платье для барыни. Слуги вывели Злату в сени, представили Гозману. Он вкратце описал судьбу Ефима и планы на счёт её выкупа, а также попросил что-то в доказательство их беседы для мужа. Злата отдала свой головной платок, который был при ней во время продажи Антуаном. Забрав его, Гозман отправился восвояси.

Вернувшись домой Гозман рассказал о поездке Ефиму, отдал платок жены, но назвал другую сумму выкупа, гораздо, гораздо

выше той, что запросила барыня, плюс посчитал траты на лечение, кормёжку и будущее обучение Ефима.

Плотник схватился за голову, задача казалась невыполнимой, такую сумму ему никогда не заработать. Однако барин успокоил, объяснив, что ставки в том обществе куда они собираются, начинаются с сумм превышающих обычные выигрыши в десятки раз. Ефим горячо поблагодарил барина, воспрял духом и был готов биться за жену хоть с чертом, хоть с дьяволом.

Начались нелёгкие дни восстановления после травм.

Гозман выделил Ефиму место для тренировок в большом арендованном сарае, выписал откуда-то тренера по заморскому боксу, бывшего пленного солдата. Тот неплохо натаскал его для ближнего боя. На его смену пришёл медвежьего вида мужик обладатель знаний по древней славянской борьбе и степному курешу. Его дополнил резкий, как угорь, айн с чудным боем, совмещающим удары рук и ног. В завершении помещик привёл молодого, но очень опытного кулачного бойца из другой губернии, часто практиковавшегося в стенках и одиночных схватках. С ним у Ефима шли постоянные тренировочные бои до тех пор, пока плотник на пятой секунде жёсткого спарринга не уложил его мордой в пол.

Лечение и тренировки, а главное возможность возвращения жены, пошли Ефиму на пользу. Теперь он был готов к любым, даже смертельно опасным, схваткам.

Однажды днём, барин вернулся из деловой конной поездки.

- Я договорился о бое с известным на всю округу поединщиком из заводских мужиков, по прозвищу Матвей-Крышка, - сказал он Ефиму. - В этой схватке ты должен получить громкое прозвище, поэтому будь любезен не просто махать кулаками, а поработать на публику.

- Хорошо барин, - кивнул Ефим, обвязывая платок жены вокруг пояса. - На публику, так на публику.

Бой был назначен на мощёной булыжником улице вблизи завода. Поглядеть на него собралась толпа рабочего и просто городского люда. Крышка был крепким малым, широкоплечим и быстрым, Ефим немного уступал ему в комплекции, но не в желании победить.

Под одобряющие крики зрителей бойцы вышли в центр круга, образованного толпой. Противники стали ходить кругами примеряясь к будущим действиям, тут любая ошибка может стоить не только победы, но и здоровья, а в иных случаях жизни.

Крышка сделал резкий выпад вперед, желая напугать Ефима и тем самым вывести его из равновесия, но тот разгадал замысел противника, только лишь отступив на пол шага назад. Крышка недовольно ухмыльнулся, бросившись в атаку, стараясь попасть Ефиму в голову.

Ефим умело ушёл с линии атаки, отбив ладонью летевший в него кулак. Крышка снова атаковал, похоже он рассчитывал на быструю победу над малоизвестным противником. Пара ударов всё же достигла цели попав в корпус. Ефим слегка согнулся, приняв их и тут же ответил коротким крюком в бок Крышки. Тот охнул, отскочив назад. Ефим взглянул на Гозмана, барин одобрительно покачал головой.

Крышка стал действовать осторожнее, но это не понравилось толпе, из которой стали доноситься крики, типа: «Что возитесь?!», «Не спите!», «Скукотища!».

Эти возгласы, видимо, задели Крышку за живое, и он сломя голову бросился в атаку. Ефим встретил его левой прямой в лоб, тут же добавив боковой правой в корпус с переводом удара в скулу. Крышка отшатнулся назад, но атаки не прекратил, а наоборот усилил её. На Ефима обрушился град сильнейших ударов, он только и успевал отскакивать да блокировать, об ответных действия не могло быть и речи. Наконец он изловчился, влепив Крышке снизу в челюсть, это охладило пыл через чур рьяного поединщика, он замешкался, что позволило Ефиму контратаковать. Он начал наносить противнику сокрушительные удары по корпусу и в голову, тот лишь защищался, пропуская каждый второй удар.

В это время с церковной колокольни послышался перезвон, среди которого отчётливо слышался большой колокол, звонивший с равными промежутками, попадавшими аккурат в момент некоторых ударов Ефима, что было замечено зрителями.

- Ишь, прям под колокол рубит! – крикнул кто-то из присутствующих.

В момент последнего удара колокола, Ефим попал Крышке справа точно в челюсть. Противника развернуло на 180 градусов, после чего тот упал ничком на мостовую, разбив лицо о булыжники. Толпа заплодировала.

- Колокол! Колокол! – донеслось отовсюду – Ефим-колокол победил Матвея-крышку!

Гозман подошёл к запыхавшемуся Ефиму, наблюдавшему, как приятели Крышки пытаются привезти того в чувство. Он пожал Ефиму руку сказав:

- Дело сделано. Теперь ты не просто боевой холоп, а официально Ефим-колокол. Что ж продолжим?

- Да. Хочу встретиться с Данило-молотило, - произнёс Ефим.

- А ты реваншист, - улыбнулся Гозман. - Хорошо, договорюсь, но после мы идём в свет, дробить хари бойцам из высшего общества.

- Главное вернуть Злату.

Гозман быстро договорился с Данило, рассчитывающим на лёгкую победу с уже битым им противником, однако на этот раз он просчитался. Ефим был уже совсем другим человеком с другими целями и задачами. Через полминуты после начала кулачной схватки, Данило уже лежал под проливным дождём в мокром песке возле причала, с которого его вынес сокрушительный удар Ефима-колокола.

Так, как в бою все равны, Ефим мог бросит вызов любому бойцу, на что и рассчитывал Гозман. Барин договорился о бое с серьёзным кулачником и любителем помахать кулаками, помещиком Боровым, носивший среди поединщиков прозвище Пушка, за удар чудовищной силы. Однако сие его не спасло от ежедневно повышающейся силы и техники боя Ефима. Пушка свалился на первой минуте с разбитым в хлам лицом и сломанными плавающими рёбрами. Выигрыш составил более двухсот рублей, вся сумма пошла в зачёт долга Ефима за лечение.

Постепенно, круша сильных купцов, хорошо натренированных дворян, безбашенных военных рубак, прославленных в своих краях токарей и слободских бойцов, Ефим обрёл славу непобедимого поединщика.

- Барин, - как-то сказал он. - Неужели я ещё не заработал на выкуп жены?

- Ты только отбил долг, - объяснил Гозман, отлично зная, что общая сумма выигрыша десятикратно превысила цену Златы.

- Узнать бы хоть, как она там?

- Я наведу справки Ефим, а пока продолжай биться, - постановил хозяин.

Через день Гозман отправился к Поповой поговорить о покупке Златы. Ефим же ещё ночью прикинул примерную сумму заработанных им денег и в его душе поселилось сомнение в честности барина, поэтому он решил проследить за ним. Когда Гозман ускакал, Ефим взял второго коня отправившись по его

следу. Слугам же наврал, что едет гулять в кабак и вернётся поздно, те охотно поверили, ведь Ефим прокрепил свои слова целым рублём. К полудню он увидел, как барин остановился на постоялом дворе расположившегося у оживлённого тракта возле густого леса.

Ефим дал работавшему там парню пятак и тот подробно рассказал о том, что Гозман остановился на сутки, привёл к себе распутных девиц, заказал ящик вина.

Следующий день Ефим наблюдал за постоялым двором скрываясь в лесу. Его слезка дала плоды. Через сутки барин закончил веселье, направившись в обратный путь. Он и не собирался ехать к Поповой.

Ефим погнал коня короткой дорогой через лес и был дома за несколько часов до приезда барина.

- Помещица подняла цену Ефим, - сказал ему Гозман входя в сарай, где тот молотил руками по набитому песком мешку. - Нужно больше денег.

- Ой ли? - Ефим перестал бить, косо посмотрев на Гозмана.

- Жадность - это порок, дорогой мой, - сокрушённо произнёс хозяин.

- Что, верно, то верно. Может позже вдвоём съездим к барыне, поговорим по душам, может войдёт в положение, снизит цену?

- Всё возможно Ефим, а пока давай-ка займёмся делами.

Так в боях и тяжких раздумьях об обмане хозяином прошла неделя, в конце которой Ефим вновь настойчиво потребовал разговора с Поповой. Эта настойчивость насторожила Гозмана, и он отправил одного из своих слуг с письмом к барыне.

Ответ не порадовал ни его, ни Ефима. Ушлая баба из вредности продала Злату соседскому помещику, а тот в свою очередь подарил Злату графу Орлову, дабы умаслить того ради помощи в личном деле. Граф охотно принял подарок, он ценил грамотных людей, постоянно нуждаясь в писарях. Проверка подтвердила её слова.

Тяжёлую новость Гозман с Ефимом решили обсудить в кабаке за бутылкой водки. Ефим впервые так много пил.

- Что же делать Геннадий Потапович? - сокрушался бывший плотник. - Как выкупить теперь?

- Проклятая чертовка обещала не продавать и не сдержала слова, - ругал он барыню. - С Орловым дело сложнее. Он

практически никого не продаёт, если и продаёт заламывает несусветные цены, это же писарь, а не пахарь десятирублёвый. Твоя жена обучена грамоте, он это ценит. В данный момент сие большой минус для нас.

Ефим, угрюмо смотревший в стол, заказал третью бутылку водки с закуской.

- Как же так Геннадий Потапович? - продолжал сокрушаться он.

- Утро вечера мудренее, - ответил тот. - Давай допьём и пойдём на боковую. Позже решим, что делать, авось провидение даст какой знак. Поверь, я искренне хочу, чтобы вы воссоединились.

- Врёшь ты всё барин, - зло сказал Ефим. - В последний раз ты даже не ездил к Поповой, а куролесил со шлюхами на постоялом дворе. Ты наживаешься на моём горе, до Златы тебе дела нет. Свернуть бы тебе шею, как гусёнку.

Гозман не на шутку испугался. В гневе Ефим запросто мог это сделать.

- Мне нужны деньги Ефим, - произнёс он. - Очень нужны. Я ничего не умею, кроме как обстригивать не совсем праведные дела, с этого и кормлюсь. Мне нужно вернуться в общество, я не могу находиться в этом ужасе, - он обвёл руками кабака. - Я вынужден был так поступить. Если ты получишь Злату, то не будешь драться на смерть, вообще не будешь. Отсутствие её, моя гарантия твоей покладистости и заработка. Пойми меня Ефим, отнесись с пониманием.

Ефим протянул руку через стол, схватив Гозман за грудки и сказал:

- Ты сейчас в шаге от смерти барин. Мне терять нечего с таким раскладом. Грохну тебя и поеду в Сибирь на каторгу, отдыхать от мордобоя.

- Успокойся Ефим, - не на шутку перепугался Гозман, почувствовав, как спины, покрывшейся потом, коснулась ледяная рука смерти.

- Грешен, признаю, виноват. Поверь, я сделаю всё, чтобы вернуть Злату, но выкупить её у графа будет крайне сложно.

- Надо было раньше выкупать, пока была возможность, - Ефим оттолкнул его на спинку стула.

- Давай немного остынем, - трясущейся рукой Гозман налил водку в стопки. - Выпьем за дружбу хозяина и его верного бойца, и за то, чтобы наши желания исполнились.

Они молча выпили, потом налили ещё и ещё. Когда третья, а за ней четвёртая бутылка опустела, и Ефим с трудом соображал

о каких таких куртизанках с ним толкует не менее пьяный Гозман, называвший его теперь генералом, в кабаке вломилась пьяная компания пугающего вида мужиков во главе с одетым в дорогой наряд помещиком. Присутствующие практически сразу определили в них лихих людей, грабящих обозы на ночных дорогах. Связываться с такими было себе дороже. Развязная компания начала вести себя слишком вызывающе даже для такой тошнливости, как эта.

Поглумившись над испуганными посетителями, они заметили еле сидящего за столом Гозмана, двинувшись к нему, рассчитывая на лёгкую поживу.

- А кто это у нас такой красивый? - издевательски спросил атаман банды, помещик Адамов.

- А кто это у нас такой разговорчивый? - ответил Гозман, посмотрев на атамана осоловевшими глазами.

- А кто это у нас такой с целым хлебалом и зубами? - вторил ему Ефим, махнув недопитую рюмку водки.

На мгновение банда пришла в лёгкий ступор от такой откровенной наглости от в дугу пьяных посетителей кабака. Остальная публика быстро ретировалась ближе к выходу с интересом и страхом наблюдая за происходящим.

- Вот что, - нахмурился Адамов, - вы оплачиваете наш обед с выпивкой, и я забываю о непочтительном обращении.

- Ефим, - сказал Гозман, - не в службу, а в дружбу. Не мог бы ты объяснить господам, что это они сейчас оплатят нам обед.

- Всё же жадный ты барин, - сокрушённо произнёс Ефим, быстро поднявшись из-за стола и разбив бутылку о голову ближайшего разбойника, отправив того лежать под стол.

Вторым ударом он свернул на бок челюсть атаману, третьим вырубил стоявшего за ним высокого детину. Дальше Ефим плохо помнил, что произошло. В памяти сохранились лишь жуткие крики, грохот ломающейся мебели, звон разбитых окон и переворачиваемой обстановки заведения. На рассвете он очнулся за решёткой в полицейском околотке.

Голова раскалывалась от выпитого вчера, скула саднила, кулаки болели. К решётке подошёл полицейский с палашом на перевязи. Он угрюмо покачал головой. Позади него появился Гозман с великолепным фингалом под глазом, он протянул полицейскому несколько Екатерининских ассигнаций. Тот открыл решётку.

- На выход, - сказал полицейский Ефиму.
 - Благодарствую, - ответил боец. - А что с этими, как их там?
 - Вам повезло, что это была разбойничья шайка, - сказал полицейский.
 - Повезло? - удивился Ефим, выходя из клетки.
 - Все в тюремном госпитале, атаман при смерти, - объяснил Гозман.
 - Ничего не помню, - произнёс Ефим, сжав голову руками.
 - Хватит развлекаться, - добавил Гозман, - нас ждут великие дела.
- Они вышли из околотка, направившись к дому Гозмана. Предстояло отдохнуть перед чередой жестоких боёв. Два дня Ефим отсыпался, а на третий в комнату вбежал взволнованный Гозман с письмом в руке и громкими криками:
- Ефим! Ефимушка! Все предыдущие бои отменяются! Пришёл наш звёздный час! Я же говорил, что провидение даст знак!
 - В чём дело барин? - не понял Ефим.
 - Вот, - он указал на письмо. - Доверенный человек сообщает, что в конце месяца граф Орлов устраивает беспрецедентные по масштабам бои, где будут не только силачи со всех концов Российской Империи, но и представители стран, где практикуются подобные игрища: Германии, Англии, Скандинавии, Польши и так далее. Приз - пять тысяч рублей золотом и орловский рысак. Этих денег хватит на два поместья. Для знати приведшей бойца особые ставки. Будет сама императрица.
 - Мы едем? - с надеждой в голосе спросил Ефим.
 - Конечно. Сегодня же подам прошение на бои. Но, однако граф хитрит, почти все бои выигрывают его молодцы, поэтому он может назначать любой выигрыш, зная, что деньги останутся при нём.
 - Если я выиграю, то сможем выкупить Злату?
 - Теоретически да, - согласился барин. - По крайней мере сможем попросить об этом графа. Шанс есть всегда.
- Ефим подошёл к висевшей в красном углу иконе, посмотрел на неё и сказал:
- Сейчас поглядим на чьей ты стороне.

И вот настал день кулачных боёв, объявленных графом Орловым. Ефим с Гозманом шли по забитому участниками и зрителями полю к столу судейской коллегии оформлять присутствие на боях. По дороге барин с восхищением объяснял боевому холопу то, что тот видит.

- Смотри Ефим, - говорил он. - Об этом дне ты будешь рассказывать своим детям и внукам, если выживешь конечно. Здесь собрались прославленные поединщики-богатыри такие, как: казанские суконщики Алёша Родимый и Никита Долговязый, силач-гигант Семён Трещало и многие, многие другие. А также карпатские гуцулы, адаманты, кельты, банджары и шитолицые воины из северных племён с татуировками на лицах, по-нашему «шитые рожи». Вон видишь одного из них с точечными наколками на правой руке, это количество врагов, которых он убил в бою.

- Не простой парень, - согласился Ефим.

- А вон там, чёрные, как смоль эфиопы, жители Африки, а это арабы, персы, даже пяток американских индейцев и еще я даже не знаю кто, какие-то сыроядцы (дикари, варвары). Все горят желанием получить приз.

- Судя потому, - сказал Ефим, - что тут присутствует Семён Трещало, драка будет нешуточная. Многие не вернуться домой. Если что, барин, похорони меня в моей деревне. Обещаешь?

- Мы здесь чтобы победить.

- Это я так, на всякий случай.

- А вон, обрати внимание, - Гозман указал на богатыря-великана под три метра ростом, - это любимчик графа Орлова, Никита Сурьяный (окрашенный в чёрный цвет) - непобедимый боец, дерущийся только с прославленными поединщиками. Это настоящий гигант, титан кулачного боя. Говорят, разбивает мостовой булыжник ударом руки.

- Булыжник не может ответить, - сказал Ефим, разглядывая мускулатуру Никиты и место, где его челюсть примыкала к черепу, оснащённого мощными желваками.

- Как это верно Ефим, - удовлетворительно кивнул Гозман.

Оформив присутствие, они прошли в ближайшую чайную палатку ожидать вызова на бой. Не успели выпить по кружке чая с печатным пряником, как снаружи зазвучал рог, это был сигнал к началу объявления противников и поединков.

Первый бой Ефима был с крайне волосатым мужиком, не понимавшим ни слова по-русски. Он продержался порядка десяти секунд, прежде чем растерял почти все зубы, отключившись в ещё не затоптанной траве. После начала схваток половина бойцов выбыла, кто просто проиграл, кто покалечился и не смог продолжать, кто отправился к праотцам.

- Я даже не вспотел, - довёл Ефим до Гозмана.

- Это только начало, - ответил тот. - Дальше будет страшнее. Сейчас выбыли все слабаки, с каждым новым кругом будут оставаться более сильные соперники.

Так, круг за кругом, день за днём количество бойцов неумолимо сокращалось. Ефим молотил противника до боли в костях, он словно ураган сносил прославленных поединщиков, всё ближе и ближе приближаясь к заветной цели. Его отчаянное стремление было замечено графом Орловым.

- Кто этот холоп? Чей он? - спросил наблюдавший за схватками граф у своего советника, указывая на Ефима, который на его глазах вырубил эфиопа, сломав тому руку страшным ударом.

Генерал-аншеф Орлов и сам любил помахать кулаками в подобных боях, был неплохим поединщиком и знал цену хорошему бойцу.

- Это, ваше сиятельство, Ефим-колокол, холоп разорившегося помещика Гозмана. Сильный боец, - ответил тот.

- Что сильный сам вижу, но слишком уж он настойчив, до безумия. Интересно в чём причина? Явно не в деньгах.

- Сие не известно, но его жена Злата недавно была вами принята в дар в качестве писаря. Весьма грамотная крестьянка.

- Это та, что на сносях? - поинтересовался граф.

- Совершенно, верно, ваше сиятельство, - поклонился советник.

- Весьма интересно, голубчик, - задумался граф. - Вот что, привезите-ка её сюда, но никому не показывайте, пусть из шатра не выходит.

- Будет сделано, ваше сиятельство, - советник метнулся исполнять указание, а граф продолжил наблюдать за боями удобно расположившись в кресле.

Настал последний день боёв. Ефим уже порядком выдохся, да и раны не давали нормально сосредоточиться на схватках. Он лежал на соломе в арендованной Гозманом палатке, разминая саднившие рёбра.

В палатку вошёл взволнованный барин, пересчитывающий выигрышные ассигнации.

- Пока дела идут неплохо, - сказал он, убрав пачку денег за пазуху. - Все сильнейшие бойцы выбыли, остались самые чудовищные чудовища, среди которых Никита. Тебе ещё три боя и четвёртый финальный.

- Видел, как часть кулачников отпевали на краю поля, - задумчиво произнёс Ефим. - Кого там только не было, христиане, мусульмане, буддисты, тенгрианцы, иудеи, язычники, всех смерть уравнила.

- Издержки профессии, - согласился Гозман, присаживаясь за грубо сколоченный стол. - Сегодня придёт матушка императрица.

В палатку вошёл половой (трактирный слуга, официант) с чайником в руке из которого доносился аромат свежесваренного кофе и подносом пирожных. Он поставил всё это на стол, Гозман расплатился, половой ушёл.

- Что это? - спросил Ефим, глядя на чайник.

- Кофе, - пояснил барин. - Это тебе вместе с пирожными.

- На кой? - Ефим поднялся, подошёл к столу, снял крышку чайника, понюхав содержимое.

- Для бодрости, а то еле ноги переставляешь.

Гозман налил ему в кружку чёрный ароматный напиток, сказав:

- Выпей до дна и закуси сладким, а то крепкий очень.

Ефим так и сделал, после чего почувствовал прилив сил. Рёбра перестали саднить, раны больше не ныли, ему захотелось двигаться и даже потягать какие-нибудь тяжести.

- Заметил эффект? - спросил Гозман. - Вещь не дешёвая, вычту из жалования.

- Так и прёт, - улыбнулся Ефим. - Будто и не дрался вовсе.

- Перед выходом на бой выпьешь, да смотри не усердствуй, чтоб на все хватило.

Первый бой был с «шитой рожей», тем самым мужиком с татуировками на лице и руке. Схватились жёстко, в какой-то момент Ефим почувствовал, что от соперника пахнет грибным духом, он явно тоже взбодрился своим аналогом кофе. Однако это не спасло прославленного воина, Ефим сломал ему ключицу и выбил глаз, после чего бой закончился.

Второй бой был с высоким жилистым немцем, от которого Ефиму сильно досталось по лицу, оно практически превратилось в сплошную гематому. Выгадав момент, Ефим проломил ему грудную клетку, сильнейшим прямым ударом с подскока. Немца унесли на носилках.

Третий бой был с непомерно мускулистым мужиком из Рязанской губернии. Это был очень быстрый, сильный и опытный противник. В какой-то момент, наблюдавший за схваткой Гозман подумал, что Ефиму не выбраться живым из такой молотбы, к счастью, он ошибся. Измождённый боем Ефим всё-таки подловил противника на ошибке. Тот длинно ударил в голову с правой, Ефим же ушёл под руку и собравшись с силами, всадил тому крюк в правый бок, да так, что у мужика брызнула кровь изо рта. Его унесли в тяжелейшем состоянии, но, несмотря на травму, он не умер.

Финальный бой был с самим Никитой Сурьяным, благополучно дошедшим до конца, хотя лицо его было в таких же гематомах, как и у Ефима. Перед боем граф Орлов вызвал Гозмана с Ефимом к себе в шатёр.

- Что ж господа, - сказал граф после того, как гости уселись в кресла, - весьма неплохо. Однако, вряд ли у вас есть шанс побить Никиту.

- Почему же, ваше сиятельство? - спросил Гозман.

- Он не проигрывает, - ответил граф. - Сама государыня приезжает чтобы взглянуть на его победу. Будет с минуты на минуту.

- Что вы хотите сказать? - вновь спросил Гозман.

- Я хочу порадовать императрицу богатырской схваткой и для этого вам нужен козырь.

- Какой, ваше сиятельство? - поинтересовался Ефим.

- А вот такой, - граф взял со стола колокольчик, позвонил им и в шатер ввели Злату.

Ефим вскочил часто задышав. Муж и жена бросились на встречу, заключив друг друга в жаркие объятия с поцелуями.

- Я хочу повысить ставки, - продолжил Орлов. - Если Ефим выиграет он получит вольную, как и его жена, плюс две тысячи золотом и рысака в придачу. Вы Геннадий Потапович получите три тысячи золотом. Если проиграет, то ничего этого не будет. Как вам ставка?

Гозман развёл руками, не зная, что ответить.

- Я согласен, - отозвался Ефим, продолжая обнимать Злату. - Другого выхода не вижу.

- Вынужден принять предложение, - согласился Гозман.

- Никита будет биться изо всех сил Ефим, - пояснил Орлов. - Не надейся на милость. Будет бой на смерть.

Ефим кивнул, Злата тихо заплакала.

- Теперь ступайте оба, - приказал граф. - Готовьтесь. После приезда государыни начнём.

Ефим с Гозманом удалились, Злата осталась в шатре возле Орлова. Через час прибыла Екатерина вторая с кавалерийским отрядом охраны. Толпа ликовала, встречая государыню и только Ефим сидел в одиночестве в палатке, он допивал кофе сосредотачиваясь на будущем бое.

Ещё примерно через час прозвучал рог, созывая бойцов на битву. Ефим вышел из палатки, в сопровождении Гозмана и толпы зевак проследовал к кругу, где предстояло либо выиграть, либо сложить голову.

- Ефим, - сказал ему Гозман, - я хочу, чтобы ты знал. Часть денег я поставил на тебя, а часть под другим именем на Никиту.

- Хитро стелешь барин, - ответил Ефим. - Мне всё равно на кого ты поставил, я иду забрать своё.

- Я буду молиться за тебя.

- Да пошёл ты барин, - оскалился Ефим.

Он вошёл в круг, где его уже ждал гигант Никита Сурьяный.

- Готов умереть Ефим-колокол? - спросил Никита.

- А ты Сурьяный, готов предстать перед судом божьим и встретить предков? - ответил Ефим.

- Почту за благо, - без тени эмоций произнёс Никита.

- Вся суть в том, кто за что бьётся, - поведал ему Ефим. - Мне не нужны ни деньги, ни слава, ни конь.

На лице Никита отобразилось удивление.

- Что же тебе нужно Ефим?

- Свобода для меня и моей жены, а она, как водится добывается в бою, а не вымалчивается на коленях.

- Свобода - это миф, Ефим.

- Для тебя Никита.

Ефим взглянул на сидящую в кресле на деревянном подиуме императрицу, вокруг которой на табуретках расположились различные приближённые лица, лизоблюды и шестёрки. Ефим помахал ей рукой.

- Здравствуй государыня! – крикнул он.

Присутствующие обалдели от такой вольности, а императрица вместе с Орловым весело засмеялись. Екатерина помахала рукой в ответ. Граф Орлов поднялся с места отдав команду к началу финального поединка.

Ефим с Никитой начали ходить кругами вокруг центра вытоптанной бойцами площадки, примеряясь к атаке. Зная опасность противника, никто не решался напасть первым. Наконец Сурьямный атаковал серией мощных прямых. Ефим увернулся от всех ударов кроме последнего, который выбил ему левую руку из плечевого сустава. Дикая боль застелила глаза, Ефим заскрипел зубами.

Быстро придя в себя, ответил тремя последовательными ударами уцелевшей правой рукой, в голову, корпус и снова в голову. Последний удар достиг цели, сломав нос Никиты. Тот глухо заревел от боли, из глаз брызнули слёзы. Заметив это, Ефим нанёс сильнейший удар в корпус противнику, сломав тому ребро.

Никита охнул от неожиданности, тут же контратаковав, попав Ефиму в скулу. Ефим упал на землю, но тут же поднялся, хотя почти не соображал, что делает. Зрители многозначительно зашумели, ведь обычно от такого удары Никиты никто больше не поднимался, а тем более не выживал.

Заметив, что Ефим практически не видит его, Никита рванулсЯ вперёд, но неожиданно налетел на выставленную вперёд руку, снова получив в нос. Он завыл, от боли, не заметив размашистого удара в челюсть, от которого та вылетела из сустава. Никита рухнул на землю. Встал на колени, попытался поставить челюсть обратно, но это действие лишь добавило боли. Он повернул голову, качающийся от травм Ефим ждал его возвращения в бой.

Разозлённый гигант поднялся на ноги, встал в стойку, пойдЯ на противника. Он размахнулся, чтобы боковым ударом сбить Ефима с ног, однако тот успел раньше. Крюк в правую подмышку выломал руку Никиты из суставной сумки. Сурьямный заорал, заглушив громоподобным криком шум толпы.

- Один, один, - с сожалением произнёс Орлов, наблюдая за схваткой. - Государыня, - обратился он к сидевшей рядом

Екатерине. – Вон тот, что меньше ростом Ефим-колокол, дерётся за вольную для себя и жены.

- Как романтично, - улыбнулась Екатерина. – Умеете вы граф заинтересовать как участников, так и зрителей.

- Всё для вас, ваше императорское величество, всё для вас великолепная государыня, - польстил ей Орлов.

Тем временем тяжкий бой продолжался. Разозлённый Никита вновь атаковал уцелевшей рукой. Ефим ударил его левой, безжизненно болтающейся конечностью, словно плетью по глазам. Никита на мгновение потерял противника из виду, что позволило Ефиму вновь ударить его в уже выбитую челюсть. Никита отшатнулся, боль пронзила мозг калёным гвоздём, он перестал соображать, где находится и просто пошёл вперёд, надеясь придавить оппонента ста сорокакилограммовым телом.

Измощённый, теряющий сознание от боли, Ефим ударил его в повреждённое правое плечо. Никита заорал так, что императрица вздрогнула пролив на платье поданное ей в бокале вино. Несмотря на это Сурьмяный замахнулся целой рукой, ударив Ефима сверху по голове, одновременно с этим Ефим нанёс ему сокрушительный удар в висок костяшками кулака. Оба, будто мёртвые рухнули наземь.

Наступила тишина, зрители замерли в ожидании развязки. Екатерина вопросительно посмотрела на обескураженного Орлова.

- И? – спросила она.

- Ждём кто первый поднимется, - пояснил граф.

Прошла минута, никто не двигался.

- Ефим! – вдруг закричала Злата. – Вставай Ефим! Вставай! Мы еще не придумали имя ребёнку!

Неожиданно Ефим пошевелинулся. Под охи и ахи толпы стал медленно подниматься. Очнулся и Никита, которому Ефим наступил на голову коленом, вдавив того лицом в кровавую грязь, образовавшуюся под ними. Никита затих.

Опираясь на бесчувственное тело противника и тихо матерясь, Ефим встал на ноги, плюнул кровью. Толпа зашлась в бешеном крике радости. Гозман схватился за сердце, это было его самое прибыльное дело.

- Ефим! Ефим! Ефим-колокол! – скандировали зрители.

- Победил-таки, сучара, - в сердцах выдал Орлов.

- Вы ли это Алексей Георгиевич? – удивилась его словам Екатерина. – Исполняйте обещанное светлейший князь.

- Конечно матушка. Прошу прощения за моветон, Никита был моим любимцем, моим самородком, - Орлов вставая поцеловал её руку.

Граф подошёл к краю помоста и когда толпа затихла произнёс:

- Властью данной мне государыней императрицей жалую вольную Ефиму-колоколу и его жене Злате. Плюс к сему добавляю рысака собственных конюшен и две тысячи золотом, так, как по соглашению между мной и его, теперь уже бывшим, хозяином три тысячи отходят помещику Гозману Геннадию Потаповичу. Сим утверждаем бесповоротно.

Толпа зашлась ликованием. Злата пробилась через охрану и придерживая огромный живот подбежала, обняла мужа, безостановочно целуя его в разбитое в щепу лицо. Слуги графа подвели им чёрного, как смоль рысака, передали Злате кожаный мешок с золотыми.

- Ефим-колокол! – крикнул с помоста Орлов, мельком взглянув, как слуги выносят Никиту Сурьяного из круга.

- Да, ваше сиятельство, - еле ворочая языком ответил Ефим.

- Не хочешь ли ты перейти ко мне на службу в качестве поединщика?!

- Благодарствую князь, не хочу, сыт я.

- Что ж воля твоя. Но если надумаешь мои двери всегда открыты для тебя.

Неделю Ефим лечился у лучших докторов и знахарей уезда, а когда поправился, они с разродившейся двойней, мальчиком и девочкой, Златой, запрягли рысака в бричку и уехали подальше от места, где наделённые властью человеки превратили праздничное состязание в смертельно опасную наживу.

2023.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>